

Имя героя в художественной концепции рассказа А.П. Чехова «Архиерей»

© Н.В. КАПУСТИН,
доктор филологических наук

В статье рассматривается семантика имен собственных в соотнесении с общим строем рассказа «Архиерей», а также авторской аксиологией, свойственной другим произведениям А.П. Чехова.

Ключевые слова: имя собственное, коллизия «Петр / Павел», авторская аксиология.

DOI: 10.31857/S013161170003015-5

The article deals with the semantics of the proper names with relation to the general architecture of the short story and the author's axiology peculiar to other Chekhov's works.

Key words: proper name, collision «Peter / Paul», author's axiology.

Рассказ А.П. Чехова «Архиерей» принадлежит к числу лучших не только в русской, но и мировой литературе. По словам И.А. Бунина, он «написан <...> изумительно. Только тот, кто занимается сам литературой и сам испытывал эти адские мучения, может постигнуть всю красоту этого произведения» [1]. Да и сам Чехов, судя по письму к В.С. Миролюбову, издателю «Журнала для всех», в четвертом номере которого за 1902 год был опубликован «Архиерей», придавал ему особое значение: «...если цензура выбросит хоть слово, то рассказ возвратите мне <...> Я пришлю другой...» [2. Т. X. С. 198]. Вне всякого сомнения, перед нами тот случай, когда отдельные микроэлементы повествования образуют органическое единство, в котором незаменима любая художественная подробность, и вопрос лишь в том, чтобы разглядеть, как одно отсвечивает в другом. Это относится и к поэтике имен собственных, теснейшим образом связанных с художественной концепцией произведения, с той драмой, которую переживает его главный герой — преосвященный Петр.

В сущности, «Архиерей» — это рассказ об одиночестве, вызванном тем, что фактически все его персонажи (за исключением девочки Кати, еще не успевшей усвоить существующие стереотипы) видят в архиерее Петре (Петр с греч. — «камень», «скала») исключительно архиерея, подменяя его

живую личность социальной функцией, но не замечают обыкновенного человека, мирское имя которого Павел (с греч. — «малый», «маленький»). Несомненно, что коллизия «Петр / Павел» — центральная для чеховского рассказа. Но чтобы понять ее глубже, важно учесть разные интертекстуальные ответвления и смысловые оттенки имен собственных, обретаемые ими в контексте повествования.

Так, В.Б. Катаевым отмечена параллель между героем рассказа и евангельским Христом, что достигается указанием на время, когда происходит действие: «...последняя предсмертная неделя архиерея Петра приходится на страстную неделю, предшествующую Пасхе, когда верующие вспоминают о последней неделе земной жизни Христа» [3]. Эта параллель поддерживается и тем, что в церковной традиции слово «архиерей» нередко применяется по отношению к Христу — «небесному архиерею». Кроме того, в памяти преосвященного Петра живет воспоминание о лесопольском священнике Симеоне, который в религиозном контексте рассказа не может не ассоциироваться с Симеоном Богоприимцем. Наконец, и мать главного героя не случайно, конечно, носит имя Мария. Однако чрезвычайно важно подчеркнуть, что параллель «преосвященный Петр — Христос» дана в плане не столько соответствия, сколько *несоответствия*.

Действительно, чеховский герой носит имя апостола Петра, воспринятого Чеховым вне всего объема новозаветных характеристик в качестве не лишенного слабостей обыкновенного земного человека. Именно такое восприятие нашло выражение в рассказе «Студент» (1894). Замечено также, что, перечитывая Евангелие и делая соответствующие пометы, Чехов особое внимание уделил именно Петру, не пройдя мимо эпизода, где Христос наставляет будущего учителя Церкви различать божеское и человеческое. Не прошел Чехов и мимо слов Христа о забвении земных связей ради достижения Царства Небесного [4]. Но его герою дороги прежде всего связи с людьми. И если в евангельском Христе перед Голгофой большинство увидело человека, не узнав Бога, то в чеховском архиерее видят только архиерея (Петра), не замечая обыкновенного человека (Павла). Таковы, согласно авторской точке зрения, стереотипы сознания, предписывающие логику ролевого поведения человеку, который не хотел бы ей следовать, и страдающего от того, когда такая логика ему навязывается.

Итак, символическая соотнесенность имен Петр и Павел призвана выявить драму главного героя рассказа, отделенного от других людей. Не менее значим, однако, еще один смысловой оттенок, имеющий непосредственное отношение к чеховской концепции человека.

При всей сложности и неоднородности этой концепции у Чехова нередки и принципиальные случаи («Скучная история», «Попрыгунья», «Черный монах», «В овраге» и др.), когда именно *обыкновенное* ставится им на самый высокий аксиологический пьедестал. То же самое наблюдается в «Архиерее»: Чехов дает понять, что мирское, данное при рождении

имя героя Павел (Павлуша) — тоже апостольское. Иначе говоря, апостольский свет падает и на преосвященного Петра, и на обыкновенного Павла. Но в силу сложившихся стереотипов люди видят в нем только социально-знаковое, его статус архиерея, не замечая другого, обыкновенного, которое в глазах Чехова в данном случае имеет самый высокий смысл. В этом контексте вполне раскрывается смысл знаменитого диалога из повести «В овраге», бросающего, в свою очередь, дополнительный свет и на «Архиерея»:

«— Вы святые? — спросила Липа у старика.

— Нет. Мы из Фирсанова» (Т. X. С. 174).

То, что открывается Липе, почувствовавшей святость в обыкновенных мужиках из Фирсанова, для героев «Архиерея» остается недоступным.

Утверждение Чеховым высокого статуса обыкновенного имело, безусловно, биографические корни, находило выражение в его типе поведения, особенности которого ярко раскрываются через восприятие тех, кто, наоборот, отдавал предпочтение необыкновенному, выбивающемуся из ряда, — таким, например, было восприятие чеховского поведения З. Гиппиус [5]. Примечательно и одно из его писем к А.С. Суворину (от 24 или 25 января 1888 года), имеющее непосредственное отношение к проблематике «Архиерея»: «Вы пишете, что писатели избранный народ божий. Не стану спорить. Щеглов называет меня Потемкиным в литературе, а потому не мне говорить о тернистом пути, разочарованиях и проч. <...> Я позволю себе констатировать только одну, испытанную на себе маленькую неприятность, которая, вероятно, по опыту знакома и Вам. Дело вот в чем. Вы и я любим обыкновенных людей; нас же любят за то, что видят в нас необыкновенных» [Т. III. С. 78]. Коллизия «Архиерея», несомненно, была лично прочувствована Чеховым, а Бунин даже был склонен считать, что при создании образа героя «он [Чехов] слил черты одного таврического архиерея со своими собственными, а для матери взял Евгению Яковлевну» [6]. Признать последнее непреложным фактом достаточно сложно, однако ясно, что суть драматической ситуации, в которой оказывается преосвященный Петр, была хорошо знакома Чехову.

Разлад главного героя рассказа с окружающими усиливают взаимоотношения с матерью, воспринимающей преосвященного не как сына, а как иерарха церкви.

Мотив отчуждения сына и матери достаточно последовательно разворачивается в целом ряде эпизодов. Но в данном случае не обходится без тонкой психологической нюансировки. Ближе к финалу рассказа, когда матери становится ясно, что ее сын умирает, она вернет ему детское имя — Павлуша: «Пришла старуха мать. Увидев его сморщенное лицо и большие глаза, она испугалась, упала на колени пред кроватью и стала целовать его лицо, плечи, руки. И ей тоже почему-то казалось, что он худее, слабее и

незначительнее всех, и она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребенка, очень близкого, родного.

— Павлуша, голубчик, — заговорила она, — родной мой!.. Сыночек мой!.. Отчего ты такой стал? Павлуша, отвечай же мне! [Т. X. С. 242].

Здесь уместно вспомнить глубокое обобщение П.А. Флоренского, объясняющее и данную конкретную ситуацию: «Когда любовь и нежность <...> ищут особенно близкого проникновения к любимому <...> повторяется имя. Тем более кажется необходимым прибегнуть к именованию, порой многократному и настойчивому, когда мы видим, что человек уходит от нас, уходит из объективного мира <...> все это побуждает окружающих вызывать в таких случаях к уходящему по имени. Они убеждены, что имя, только имя, есть та нить, которою можно удержать уходящего из объективного в субъективное, если только вообще удастся его удержать» [7].

Итак, степень семантической насыщенности имен персонажей оказывается в рассказе «Архиерей» необыкновенно высокой. Самодостаточный по своей художественной органике, он в то же время яркий пример согласованности имен собственных и с общим строем всего художественного произведения, и с авторской аксиологией, свойственной другим произведениям Чехова.

Литература

1. Бунин И.А. Чехов. М., 1960 (Лит. наследство; т. 68). С. 406.
2. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М., 1974—1983. Далее указ. только том и стр.
3. Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. М., 1989. С. 86.
4. Шалюгин Г.А. Рассказ «Архиерей» // Чеховские чтения в Ялте. М., 1983. С. 28—31.
5. Капустин Н.В. З. Гиппиус о Чехове: (к вопросу об античеховских настроениях в культуре «серебряного века») // Чеховиана. Из века XX в XXI: итоги и ожидания. М., 2007.
6. Зайцев Б. Чехов: литературная биография. Нью-Йорк, 1954. С. 257—258.
7. Флоренский П., свящ. Имена // Опыты: литературно-философский сборник. М., 1990. С. 388.

Ивановский государственный университет